

К Р О К О Д И Л

№ 26 СЕНТЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

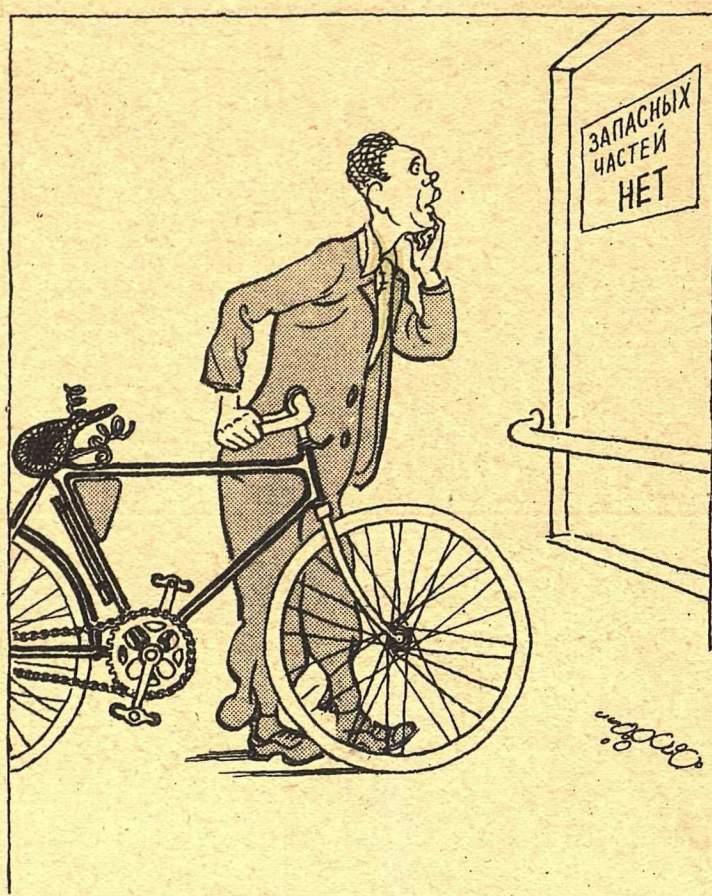
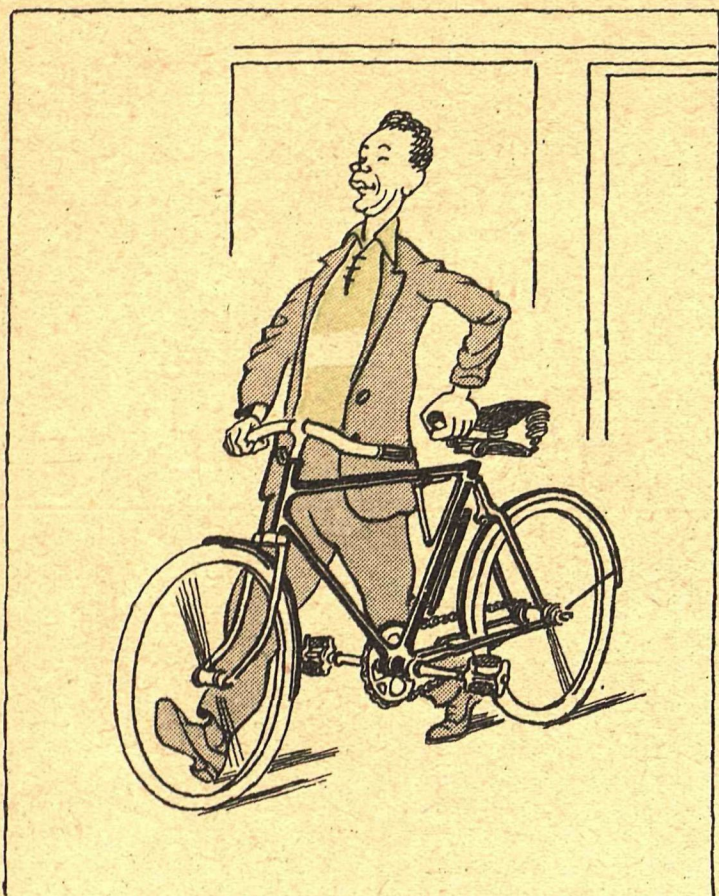
НА ПОТРЕБУ БОГУ ВОЙНЫ

Рис. К. Ротова

МАРС: — На этой оси я доеду, куда мне нужно!..

К. Р. 37

Нет повести печальнее на свете,

ПРЕСТУПНЫЙ БУХГАЛТЕР

Можем поздравить ЦК союза работников начальной и средней школы: наконец-то им удалось избавиться от преступного элемента в лице главного бухгалтера ЦК союза тов. Крючкова.

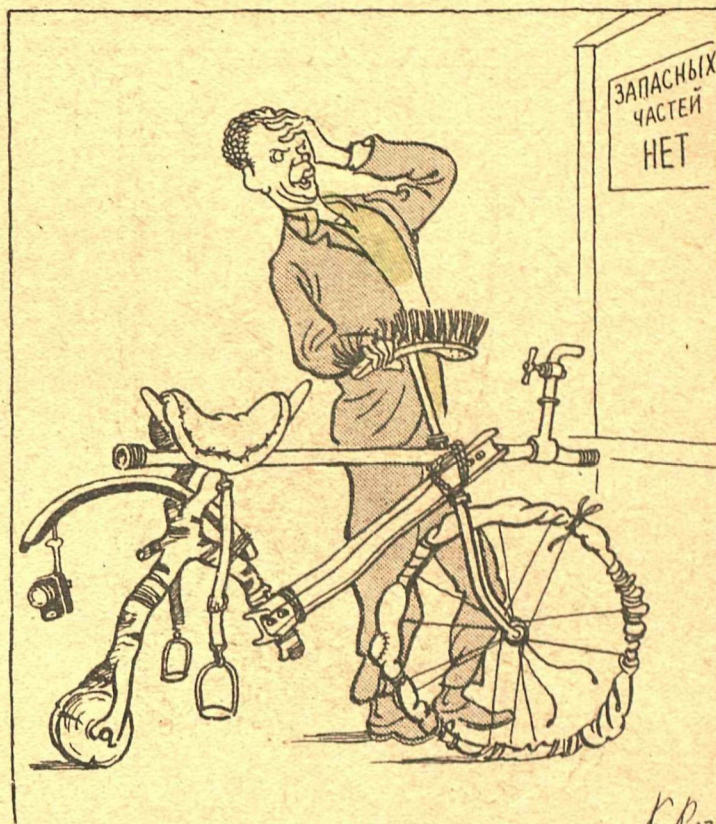
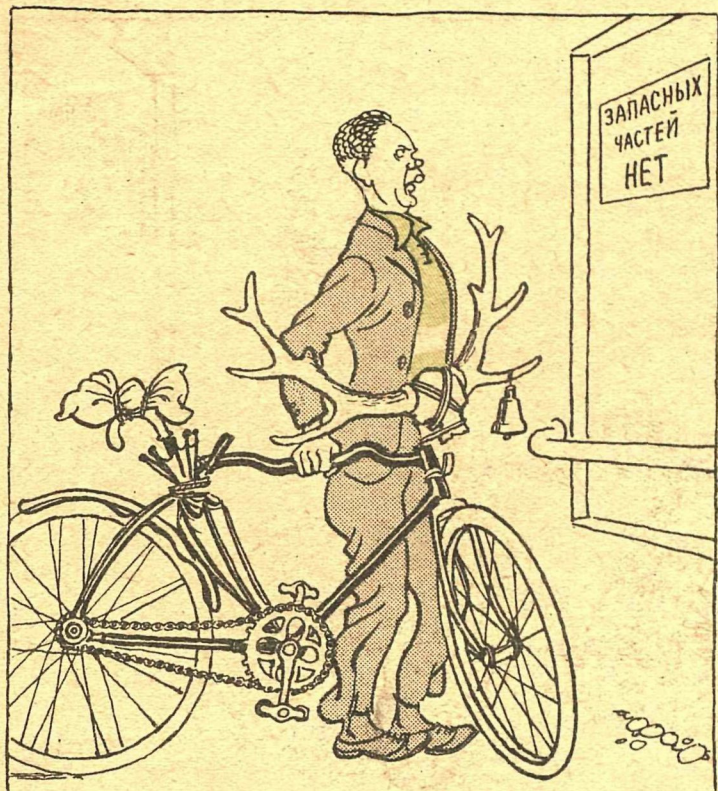
21 сентября президиум ЦК союза, наконец, уволил этого зарвавшегося работника учета. И правильно уволил! В самом деле: человек позволяет себе утверждать расходы на театральные билеты для участников лыжной спартакиады, не требуя, чтобы участники спартакиады, бывшие в театре, представили ему остатки своих билетов в качестве оправдательного документа. Он, преступный Крючков, позволяет себе написать ведомость расходов на питание для V пленума ЦК союза очень небрежно. Более того: он позволяет утвердить премию в 600 рублей каким-то поварам, уборщицам и подавальщицам, а пособия членам президиума и ответственным работникам союза утверждать не желает.

Вообще надо сказать, что основные преступления Крючкова, конечно, не в том, что он какие-то расходы утверждает, в том, что он целого ряда важных расходов утверждать не желает. Не желает он признавать правильным то обстоятельство, что председатель московского обкома союза Лентьев получает двойные-тройные пособия, не желает соглашаться на выдачу тысячи рублей члену президиума ЦК со-

юза Разлетову, не желает считать правильным и образцовым ведение отчетности в ленинградской, горьковской и московской организациях союза. Больше того: этот преступный бухгалтер позволяет себе не подавать заявления о выдаче лично ему пособия в сумме 400 рублей, и когда президиум ЦК союза постановляет выдать ему это пособие, хотя он и не просил, Крючков нахально отказывается от этих денег.

Ну, все это уже дело прошлое. Теперь Крючков уволен, и расходы в ЦК союза работников начальной и средней школы не будут нуждаться в санкции этой несговорчивой личности. Искренно поздравляем ответственного секретаря ЦК союза тов. Мехоношину и напоминаем ей, что уже в № 16 Крокодила за этот год было об'явление, которое отмечало непригодность методов работы Крючкова для обстановки вверенной ей организации. Теперь советуем тов. Мехоношиной обратиться в прокуратуру, и пусть прокурор привлечет к суровой ответственности преступного бухгалтера Крючкова.

...А если прокурор привлечет к ответственности не Крючкова, а еще кого-нибудь из работников союза начальной и средней школы, то это уж его дело. Мы, во всяком случае, свое дело исполнили: довели до сведения общественности о характере преступлений уволенного Крючкова.

чем повесть эта о велосипеде.

СЛАБОХАРАКТЕРНОСТЬ

Вечером Зоя Игнатьевна, крупная блондинка с мелкими глазками, объявила мужу, что она уходит от него к В. Г. Бровкину.

— Леня,— сказала она трагическим баском,— я уйду к В. Г. Бровкину. Мы уезжаем в Москву.

Леня ничего на это не ответил. Для него это не было неожиданностью. Последнее время Зоя Игнатьевна несколько раз начинала разговор на эту тему.

— Леня, умоляю об одном: давай разойдемся красиво!

Леня угрюмо молчал. С Зоей Игнатьевной он прожил семь лет, привык к ней, любил ее.

Зоя Игнатьевна считала себя натурой чуткой, возвышенной, и она всячески хотела облегчить страдания Леонида.

— Милый,— сказала она вкрадчиво,— ведь ты только радоваться должен моему счастью... Мы чудно будем жить с В. Г. Бровкиным.

Леня тяжело вздохнул.

— А, ты вздыхаешь,— продолжала Зоя Игнатьевна,— мне это неприятно. Ты что — не хочешь, чтоб я была счастлива?!

— Нет, отчего же,— сказал неопределенно Леня и стал насвистывать что-то очень грустное.

— Не свисти! — почти крикнула Зоя Игнатьевна. — Ты мне душу надрываешь своим свистом. Какой ты нечуткий... Боже мой, и с этим человеком я прожила семь лет!.. И он еще в претензии, что я его покидаю!.. Если бы ты не был маленький человек, а был Человек с большой буквы, ты бы радовался, что, наконец, я буду жить в Москве, в хороших условиях... А ты узко мыслящий мещанин.

Леня иронически улыбнулся.

— Я знаю,— продолжала в гневе Зоя Игнатьевна,— я знаю, что значит твоя улыбочка! Ты, конечно, думаешь, что я покидаю тебя из-за материальных благ! У В. Г. Бровкина положение, средства, своя машина... Мне все это нужно, как рыбе зонтик. Плевать я на это хотела! Мне важен чело-

век... А ты, конечно, думаешь, что я из-за материальных благ. Да?

— Я так не думаю,— печально возразил Леня.

— Но если ты так не думаешь, так почему ж одним своим видом отравляешь мне весь праздник? Ведь давай... Ну, давай поговорим хорошо и разойдемся красиво!..

Леня вновь тяжело вздохнул. Это окончательно расстроило планы Зои Игнатьевны.

— Вижу, вижу! — выкрикивала она. — Ты мещанин! Ты не желаешь мне счастья! Ты неспособен на то, чтобы разойтись красиво... Вижу, вижу! Семь лет жизни потратила из-за своей слабыхарактерности!..

Прошел год, а может быть, меньше. И вот однажды Зоя Игнатьевна вернулась к своему первому мужу.

— Леня! — выкрикнула она на пороге. — Ты меня не ждал?

— Признаться, нет... — ответил Леня.

— Ну, конечно... С глаз долой и из сердца вон!.. Ты думаешь, конечно, что я вернулась к тебе, потому что этот Бровкин оказался мерзавцем, потому что у него уже нет ни службы, ни машины, ни положения. Да? Ты так думаешь?

— Я так не думаю,— тяжело вздохнул Леня.

— Так почему ж ты вздыхаешь? Ты, наверное, думаешь, что я вернулась к тебе из-за материальных благ? Тебя наградили, о тебе написали в газете... Плевать я на это хотела! Мне это нужно, как рыбе зонтик!.. Так может думать только мелкий человек, мещанин... Проклятая моя слабыхарактерность, если б не она,— чорта с два я бы к тебе вернулась! — сердито закончила Зоя Игнатьевна.

И хозяйским взглядом оглядела новую двухкомнатную квартиру.

— Значит, так, Ленечка,— заявила она, — твой письменный стол уйдет туда, в маленькую комнату. Лампу со стола я перенесу поближе к кровати, к себе... Книги здесь ненужны: они только пыль собирают... И потом: куда ты девал картинки, которые висели еще при мне? Помнишь: такая обнаженная девушка на фоне лошадиной головы?..

Тут она перевела хозяйский взгляд на самого Леню.

Б. ЛЕВИН

Горизонт, как маков цвет,
А внизу все сине.
И плывут сквозь темь и снег
Четверо на льдине.
Океан в ладоши бьет,
Пену рвет на части:
Стороинтесь, мол, плывет
Полюса начальство.
Льдина движется с ленцой.
С льдины смотрят строго:
Весь ли полюс налицо?
Непорядков много ль?
Льдина движется. Сопит
Чайник. А поодаль,
С'ежась, Федоров сидит —
Стряпает погоду.

Кренкель спросит у Москвы:
— Слышишь?.. Здравствуй, друже.
Как там? Солнца ждете вы?
Или дождик нужен?
Скажет Федоров: — Ну, что ж, —
Встанет от тетрадок,
И сейчас же вам и дождь
И любой осадок.
У воды Ширшов стоит
И сквозь муть тумана
Испытующе глядит
В душу океана:
Дескать, что там на уме
У тебя, хитрюга?
Холод. Темь. Невдалеке
Сумасбродит вьюга.

Но сквозь снег кремлевский флаг
Где-то близко машет.
И тепло на сердце так,
Что мороз нестрашен.
Так все тихо. Только вот
Иногда, соскучась,
Полюс грозно вдруг встает,
Затекает бучу.
Поднимает тарарам...
Но грозит в тумане
Мастадонтам белым — льдам —
Маленький Папанин.
...Горизонт, как маков цвет,
А внизу все сине.
И плывут сквозь темь и снег
Четверо на льдине.

Г. ПОМЕРАНЦЕВ

НЫНЧЕ—ЗДЕСЬ, ЗАВТРА—ТАМ...

Рис. Бор. Ефимова

— Васька, пасуй, что же ты!..
— Понимаешь, забыл, за какую команду я сегодня играю!

ВЫДВИЖЕНЕЦ

Рис. Л. Бродаты

— Вы давно работаете в этой гостинице, товарищ портье?
— Работаю недавно, а живу четвертый год. Вот постоянные жильцы собрались и выбрали меня на работу портье, как своего человека.

ЗМОВИНЫ

(ИЗ ПОВЕСТИ ВАЛЕНТИНА КАТАЕВА „Я СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА“... КОТОРАЯ ВЫЙДЕТ К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ)

С той самой минуты, когда сваты, оставив Семена дома дожидаться своей судьбы, отправились к Ткаченкам, Фрося засуетилась и захлопотала неслыханно. У нее сразу же оказалась куча дел.

Первым долгом приходилось подсматривать в окошки ткаченковой хаты, следя за ходом дела. Вторым долгом следовало все новости тотчас передавать по селу. Наконец, третьим долгом надо было как можно скорее собрать дивчат-подружек невесты, с тем чтобы в нужный миг они появились в хате Ткаченко.

Фрося носилась по селу как скаженная, гупая громадными чоботами. Платок с'ехал с головы. Со стороны можно было подумать, что это именно ее и сватают,— так она суетилась.

— Гей, Фроська, что там слышно? — кричали бабы из-за плетней.— Уже заручили?

— Ще ни! — отвечала она, с трудом переводя дух.— Ще только разговаривают,— и мчалась обратно, к ткаченковой хате, подсматривать.

А через минуту опять бежала, размахивая длинными руками:

— Заручают! Заручают!

Едва только Софья навязала на рукава сватов рушники, вышитые красной бумагой, а мать приняла от Ременюка в дрожачие руки хлеб, в комнату вошли подружки, умирующие от стеснения и любопытства. Они обступили невесту.

На столе появился холодец из телячьих ножек, квашеные зеленые перчики и четыре граненые стакана.

Матрос крикнул и, подмигнув дивчатам, среди которых находилась и его собственная невеста Любка, налил по первой.

— Ну, товарищи переплетчики...

Но голова бросил на него уничтожающий взгляд.

— Опять двадцать пять,— пробормотал матрос грустно.

Голова взял тремя целыми пальцами стаканчик, подумал и сказал:

— Нехай будут счастливые. С зарученьем вас. Прошу покорно не отказать.

Матрос проворно взялся за штоф.

— Та подожди ты, ради бога,— плачущим голосом сказал голова.— Человек с Черноморского флота, а доси ни об чем не имеет понятия. Как дите. Поставь вино на свое место.

Тут подружки запели:

«Что вы, старосты, сидите?
Чом до дому не идете?
Ще ж Соничка не ваша—наша,
Хоть заручена, да не звинчана,
Ще ж вона таки наша».

— Теперь можешь наливать,— сказал голова.— Понятно?

— Чего ж непонятно? Понятно,— и матрос мрачно налил.

Мать вынесла и подала голове другой хлеб в обмен на тот, который получила от него. Затем сваты церемонно раскланялись и пошли сообщить жениху, что предложение его принято.

Семен сидел с матерью в хате и ждал. Иногда он выходил во двор посмотреть вдоль улицы, не идут ли старосты.

Уже все село знало, что зарученье произошло. Лишь один Семен ничего не знал. Обычай не позволял ему выйти со двора и спросить людей.

Наконец, показались сваты. Семен сразу распознал голову и матроса с полотенцами на руках, хотя до них еще было без малого полверсты. Вот когда пригодился Семену верный глаз наводчика!

— Можешь радоваться,— сказал Ременюк, входя во двор и отдавая Семену хлеб Ткаченко.— Сделали тебе зарученье. Старый чорт покрутился-покрутился, только видит, что все равно нашла его коса на камень.

— Ты скажи спасибо, браток, мне,— прервал его матрос.— Я этой сверхсрочной шкуре такой намек сделал, что под ним с одного разу земля загорелась.

Семен и Семена мать низко и важно поклонились сватам.

— И вот что,— сказал голова.— Я и так из-за этих ваших глупостей целый день потерял. У меня в совете дело

стоит. Надо еще списки составить на клембовские сельскохозяйственные машины. А то люди не смогут вовремя посеять. Так что будем это дело скорее кончать. Зарученье сделал, теперь тем же ходом сделаю змовины, а дальше крутитесь сами, только за ради бога в церкву меня с собой не тащите, бо все равно не пойду.

Тем же вечером Семен в походной форме с георгиевским крестом и бебутом на поясе, но, конечно, без погон в сопровождении старост, матери, Фроси и еще некоторых соседей, приглашенных в «баяре», вступил в дом Ткаченко.

— Ну что ж, Котко, здравствуй! — сказал бывший фельдфебель.

— Здравия желаю, Никанор Васильевич!

— Пришлось-таки нам с тобой еще раз побачиться.

— Так точно.

— Давно с батареей?

— Прошлого месяца пятнадцатого числа уволился по демобилизации.

— Очень приятно. Орудия и коней, звичайно, со всеми обозами так и покидали немцам?

— Кони и орудия остались на месте, только они уже теперь считаются Рабоче-крестьянской Красной армии...

— Вот оно какое дело! Так, так. Значит, батарея целая. Кто же за командира?

— За командира наш вольноопределяющий Самсонов.

Ткаченко чрезвычайно высоко поднял брови и, сделав детски невинные глаза, обернулся к гостям.

— И вы подумайте только! — восхищенно пропел он тонким голосом.— Вы подумайте только; господа, — чи, извиняйте, товарищи,— какая теперь в армии интересная служба пошла. Обыкновенный вольноопределяющийся целой батареей командует! Ну и ну! Довоевались! Когда так, ты бы себе, Котко, мог под команду взять не меньше как артиллерийскую бригаду. Очень свободно. Что ж вы, дорогие сваты и гости, стоите на ногах? Сядьте на стулья.

— Ваша хлеб-соль, наша шнапс,— сказал матрос, вытаскивая из пазухи новый штоф.— Итого один да один два. Арифметика.

Тут как бы впервые соединились два хозяйства — жениха и невесты. И начался пир.

Пока голова и Ткаченко вяло сговаривались насчет приданого, пока матрос, еще не разыгравшись, осторожно прохаживался пальцами по басовым клапанам своей гармоники и бросал томные взгляды на Любку, пока обе матери, утирая новыми, еще не стиранными платками мокрые от слез носы, говорили друг другу в уголку ласковые слова, вспоминали молодость и считались родней, пока дивчата застенчиво пересмеивались, не решаясь запеть,—Семен сидел, задвинутый столом в угол, и старался не смотреть на Софью.

Она, как ей и полагалось по обычаю, одиноко стояла у порога. Маленькая слеза висела на ее слипшихся ресницах.

Но вот она обдернула кофту, подошла к жениху, поклонилась ему и молча подала на тарелке платок.

Семен встал и в свою очередь молча поклонился Софье. Он взял с тарелки платок и заткнул за пояс, рядом с бебутом.

Некоторое время жених и невеста, не дыша, стояли друг против друга. Наконец, она обхватила его за шею и прижалась губами к солдатской щеке, жесткой, как доска. Он неловко поцеловал ее в соленный глаз. Потом, обнявшись, они долго целовали друг другу руки.

Тем временем дивчата, собравшись с духом, запели страстными голосами:

«Рано, раненько!
Ой на гори новый двур,
А в том двуре змовины,
Там брат сестру змовлие,
Да змовлиючи пытае:
— Кто тоби, сестра, мылейше?
— Мылий мне батенько.
— Се твоя, сестра, неправда.
Рано, раненько!»

Каждое слово этой старинной песни нежно отдавалось в сердце Семена.

Он обнял Софью за талию. Как бы желая снять его руку, она схватила его за пальцы, осторожно крутила их и еще теснее прижимала к своему боку.

Они сидели рядом за столом, прямые, неподвижные, охваченные блаженным стыдом.

— А ну, кавалер, давай теперь свою шаблю,— сказал голова, вытаскивая из ножен бегут Семена.

Услужливые руки дивчат тотчас прилепили к рукоятке принесенную матросом восковую свечу-тройчатку. По обычаю, ее следовало украсить васильками, калиною, колосьями. И хотя на дворе стоял март, явились как по волшебству и васильки, и калина, и колосья, правда, сухие, но все же сохранившие свои сильные краски.

Лето само вошло в хату.

Голова хозяйским глазом осмотрел дивчат:

— Требуется нам теперь добрая светилка.

На эту должность обыкновенно выбиралась девушка лет двенадцати—тринадцати и хорошенькая. Это было самое поэтическое лицо свадьбы — эмблема девичьей жизни.

— А ну, кто из вас подходящий?

Как только голова произнес эти слова, Фрося вспыхнула до корней волос. Даже руки ее стали красные, как бурлак. Сердце остановилось. Не даром же она целый день так хлопотала, старалась, била подметки и с плеч роняла платок. Она уже давно, тайно и страстно, мечтала хоть разок в жизни побыть на свадьбе светилкой.

Девочка изо всех сил прикусила губу. Ее рыжие брови поднялись. Глаза вытаращились. Зеленые и неподвижные, они с отчаянием смотрели на Ременюка, просясь в самую душу: «Возьмите мене, дядечка. Возьмите мене, дядечка!»

Голова посмотрел на девочку ужасным глазом и взял ее тремя пальцами за пунцовую щеку.

— Ты кто здесь такая?

— Ефросинья,— одними губами прошептала она.— Котковых. Семена сестра.

— Годишься. Шаблю в руках удержишь? Держи. Будешь светилкой.

И вдруг такой страх напал на Фросю, что она кинулась в угол, закрыла лицо руками и затопала чоботами.

— Ой, ни! Ой, ни! — тряс косой, запищала она.— Ой, дядечка, ни! Я стесняюсь.

Но впрочем через минуту она, уже важная и от важности бледная, сидела рядом с головой, обеими руками держа перед собой кинжал с горящей свечой.

Чистое пламя раскачивалось из стороны в сторону. Воск капал на подол нового фросиноного платья. Ясно и выпукло освещенное лицо девочки, казалось, качается из стороны в сторону, как бы волшебным написанное в воздухе водяными красками. А дивчата продолжали петь:

«Ой, рано, раненько!
За городом дуб да береза,
А в городе чирвоная рожа.
Там Соничка да рожу щипае;
Пришла до ей матюнка:
— Покинь, доню, да рожу щипаты,
Хочу тебе за Семена отдаты.
— Я Семена сама полюбыла,
Куды пошла, перстень покотыла,
А где стала,— другой положила...»

Несколько раз гости уже вставали с мест, собираясь уходить по домам, но каждый раз Ткаченко, злобно покосившись на свечку, говорил:

— Ничего. Сидите еще, свечке много гореть.

По обычаю, следовало сидеть до тех пор, пока не сгорит большая ее часть. Матрос же, не любивший уходить из гостей рано, где-то раздобыл и принес свечку весом фунта в полтора, чем обеспечил танцы и ужин по крайности до двух часов ночи.

Давно выпили один штоф и другой. Посылали уже за третьим, за четвертым. Успели станцевать раза по четыре польку-птичку, и просто польку, и польку-кокетку, и специальную солдатскую польку, вывезенную из Восточной Пруссии. Спели «И вихри в дебрях бушевали», и «Позарастали стежки-дорожки», и, конечно, «Шумел, горел лес августовский», и «Шу-

ПРИМЕНИТЕЛЬНО К МЕСТНОСТИ

Рис. А. Каневского

— У меня в квартире, товарищ управдом, такая сырость, что канарейка даже хворает.

— Зачем же вы канареек разводите? Вы лучше шампиньоны разводите: они любят сырость.

ме тай стогне Днепр широкий», и «Ой, на гори тай жнецы жнуть».

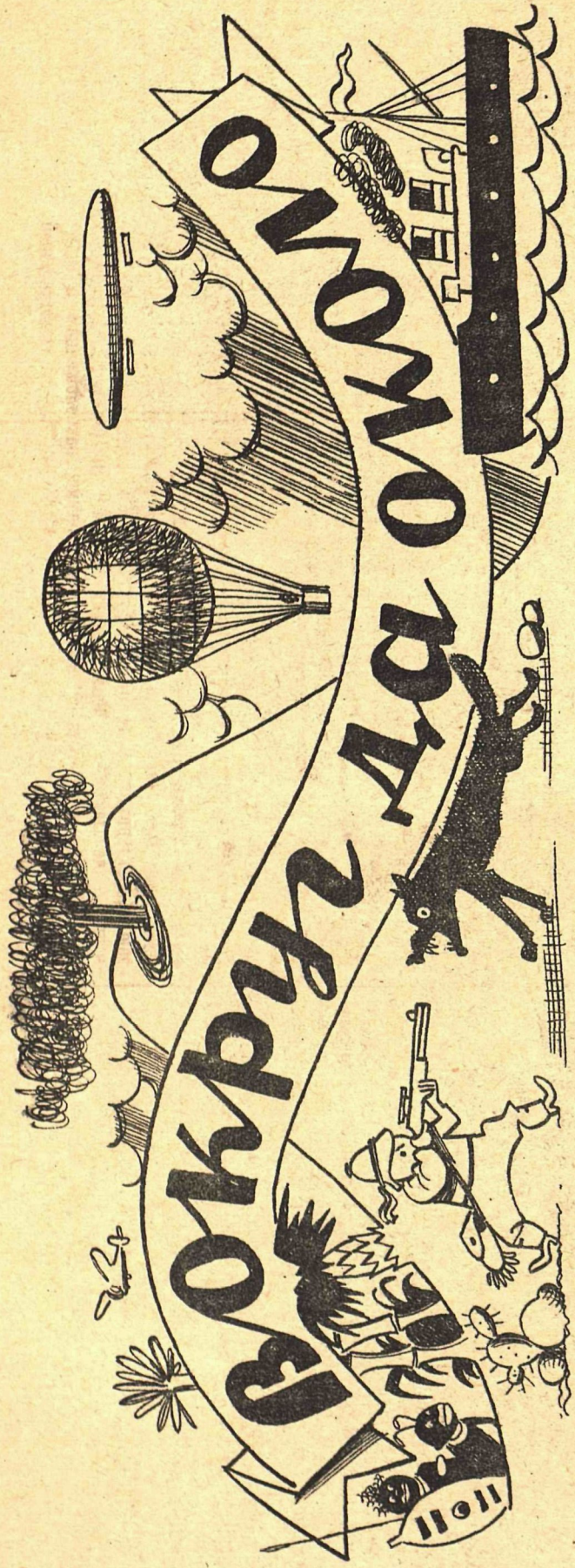
Потом голова и матрос станцевали новый, еще не успевший дойти до деревни, очень модный танец «Яблочко», слова которого вызвали восторг, так как запоминались с одного разу, прямо-таки сами собой. И откуда ни возьмись появился скрипач и запиликал на своей скрипке. А свечка догорела едва до половины.

Часа в два ночи свеча сгорела на три четверти.

— Эх! — сокрушенно вздохнул матрос. — Не тую свечку принес. Совершенно не тую. Ну, ничего. Буду сам змовляться, так на два пуда чистого воску расстараюсь. Верно, Любка?

Гости стали прощаться. Ткаченко их не задерживал. По селу пели петухи.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ЖУРНАЛ ПОХОЖДЕНИЙ, ЭКСКУРСИЙ, ФАНТАСТИЧЕСКОЙ НАУКИ, ПИКНИКОВ И ПРОИСШЕСТВИЙ

ТАЙНА СЕТТЕРА-ЛАВЕРАКА

Научно-дефективный роман

(Продолжение)

Глава 67

Убедившись, что профессор Апорт поинтересовался лабораторию и его рыжие волосы мелькают на улице, Джим кинулся к заветной двери. Ключ, сделанный по восковому слепку, легко открыл замок.

Джим вошел в комнату, единственным содержимым которой была клетка размером в кубический метр. В полутьме сквозил железные прутья клетки видна была пятнистая шерсть сеттера-лаверака. Послышалось рычание.

— Рры!.. рры!.. рры!..
 Но что это? Неужели собака заговорила?... Да! Соменений не было! — Грыжий черрт! — прорычало чудовищное животное, — я тебе выпрыгну ррыбью твои глаза... Джим повернул электрический выключатель. В клетке сидел сеттер-лаверак... с человеческой головой.

негодий Апорт дал мне какой-то пошлок и отрезал мне голову, когда я уснула ослабев... беф!.. беф!.. беф!.. рррав!.. — снова задала несчастная. — Когда я очулась я увидела, что я уже не я, а сеттер-лаверак!..

— А что же стало с вашим возлюбленным? — поинтересовался Джим.

— Он сидит в соседней комнате. Его голова прищита к туловищу барана. Ты здесь, Роберт?

— Бе-е-е-едная моя Клотильда! — проблеял нежный голос из-за двери, которую Джим только сейчас увидел.

— Чем же я могу помочь вам?! — воскликнул Джим.

Внезапно ему ответил грубой голос Апорта за спиной:

— Ты можешь им тем, что

клонна. Громким цуцичи¹⁵ отвчала она на объяснения в любви. Один вздох¹⁶ по имени Дили-Дили дал торжественный кибрик¹⁷ сделать красавицу своей улюси¹⁸. Для этого он достал крепкую культу¹⁹ и ночью, когда светила полная луна, капис²⁰, он подстерг шиколо²¹, набросил ей на голову чорчок²² и... Неслыханно сильный удар прервал рассказ старого укуса. Клавдья, что небо обвалилось на землю. Мисс Конъюнктура первала вскочила на ноги и воскликнула:

— Что это такое?

— Обвал в горах, — ответил Та-ранга.

— Нет, скорей, тройной удар грома.

— Ничего подобного. Это шум наводнения.

— Водопад обрушил свое собственное ложе, вот это что, — наперебой кричали все.

Профессор Сыги задумчиво покачал головой.

— Подождем, увидим, — сказал профессор.

Неслыханный грохот все приближался.

(Продолжение следует)

¹⁵ Хохот.

¹⁶ Парень, молодец.

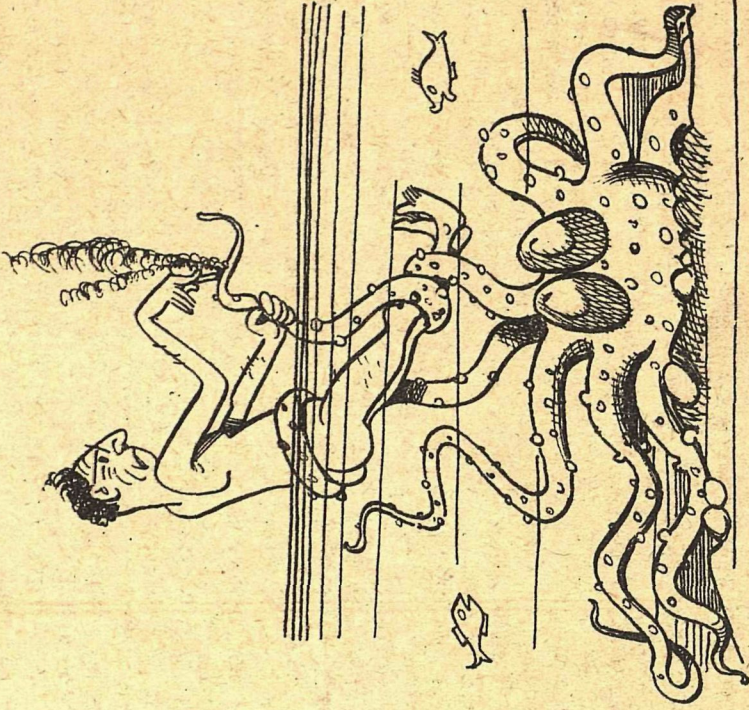
¹⁷ Обет, клятвы.

¹⁸ Супруга, жена.

¹⁹ Челнок, лодка.

УБИЙСТВО ПРЕДМЕСТКОМА

Рассказ из жизни спрутов

В доме отдыха нашего учреждения, в Тарасовке (Северная железная дорога), после завтрака я имел обыкновенные работать у себя в комнате до самого обеда — до отдыха. А утром я, как обычно, до завтрака пошел гулять на Клязьму. Раздевшись, я похлопывал себя по груди и животу, печально думая о том, что именно здесь, может быть,

Прелестное личико молодой женщины смотрело на Джима.
 Сеттер тихо заскулил и перешел на человеческую речь.
 — Ай-ау-ау-ау... я едва не спугала вас с этим извергом Апорт-том... Извините меня-ау-ау...
 — Кто вы, и что с вами случилось? — спросил Джим.
 Красавица-сеттер горестно махнула передней лапой.
 — Не всегда я была лгавой собакой, — грустно сказала она, — когда-то меня любил этот злодей-профессор Апорт. Я была ему дорогав-гав-рррр-гав... гав...
 При упоминании ненавистного имени в красавице вновь проснулась собака. Полаяв и успокоившись, сеттер почесал себе задней лапой за нежным ухом и продолжал:
 — Обманом он женился на мне. Но я любила другого. Узнав об этом,

УЩЕЛЬЕ МАДЕПАЛМОВ

(Продолжение)

Глава 123

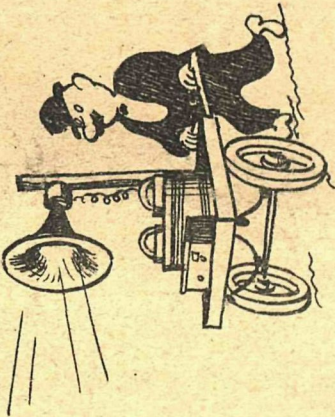
Когда все расселось у костра и удовлетворили свой голод жареными в золе макасами¹, профессор Смит² обратился к старому укусу³.
 — Таранга, расскажи нам ту старую шкелю⁴, которую ты хотел нам рассказать.
 Все шумно поддержали просьбу профессора.
 — Чортюк!⁵ — ответил Таранга. — Навострите ваши щупицы⁶ и

¹ Особый вид туземных рыб.
² См. 8—123.
³ Туземная национальность. См. гл. 77—111.
⁴ Легенда, сага.
⁵ Будь по-вашему.
⁶ Уши.

ЕЩЕ ОБ УМЕ ЖИВОТНЫХ

У одного американца был электрический скат. Привыкшее к людям животное часто выпрыгало из аквариума и брало из рук хозяйка пищу. Однажды вечером в доме произошло короткое замыкание и воцарилась темнота. Тогда благодарный скат подполз к проводам, включился в них и питал своею энергией электросеть до тех пор, пока не починили пробки.

РАДИОФИЦИРОВАННЫЕ ЛОТКИ

Лоточки и продавцы с тележек в городе Бостоне долгое время страдали хрипотью из-за необходимости выкликать свой товар. Один изобретатель пошел им навстречу и ежедневно по радио передает с утра до ночи на одной волне крики о мороженом, на другой — о газированной воде, на третьей — о галантереи и т. д. Теперь продавцам остается включить радиоустановку на своей тележке на соответствующую волну, и громкоговоритель будет кричать за него. Надо только не путать волны и не заставить громкоговоритель хвалить галантерею, когда торгуешь водью. Характерно, что на отдельной волне передается специальная брань по адресу незаплативших покупателей.

труд о причинах неуплаты в срок профсоюзных взносов.

Но на этот раз мне не удалось как следует поработать. Только что я стал изучать кривую задолженности по союзу деревообделочников за прошлый год, как встревоженный говор всех отдыхающих вызвал меня на террасу.

— Слыхали? — обратился ко мне старый кадровик Сеняхин, — сегодня к завтраку не явился Шалашенко, наш предместкома. А сейчас его труп волны реки Клязмы выбросили на берег.
 — Что вы говорите?! Что ж это — убийство или самоубийство? — спросил я.

— Установлено, что вместе с Шалашенко купаться ходил Клецевидов — заместитель председателя месткома. Ему есть смысл убраться с дороги Шалашенко, чтобы самому стать предместкома...

Беседа наша была прервана появлением представителя милиции. Составлен акт, и в город уехали Клецевидова, который горько качал головою и шептал:

— Я не виноват... Поверьте мне, я тут не при чем... Поздно легли в этот день в доме

РАЗГОВОРЧИВЫЙ ЖЕЛУДОК

В Патагонии некий хирург Мриребехно сделал оригинальную операцию желудка: вырезая язву, он пересадил на место последней гортань и голосовые связки свежего трупа. И что же? Теперь, при переполнении желудка, пища давит на голосовые связки и внутри человека поднимается крик. Подобное чревовещание означает лишь, что больше кушать не надо. Пища перестает поступать, и разговорчивый желудок скоро умолкает.

КОНТРОЛЕР ПОД ВОДОЙ

Директор одного из крупных универмагов в Вене, в котором покупатели часто совершают покупки товаров, придумал следующее: в аквариуме, расположенном в центре прилавка, сидит специальный

несчастного Шалашенко...

Наконец, я вошел в воду, по рассеянности бросив папиросу. Но что это?! Слово электрический ток пронизал мои ноги ловише щиколоток. Скользкое прикосновение чего-то перешло в крепкое давление. Невольный крик исторгся из моего гортани: меня тянуло ко дну.

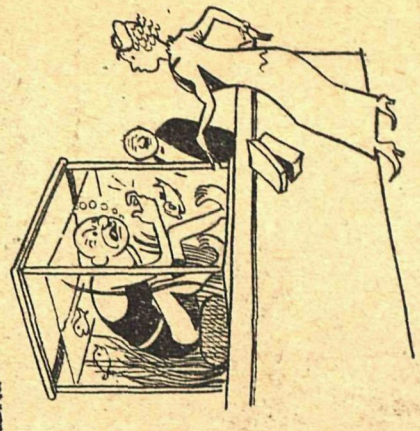
Поглядев вниз, я увидел титанского паука, который уже охватил мои ноги двумя лапами и готовился сделать это еще шестью. Что мне оставалось сделать?

Внезпно я увидел в руках своих зажатую папиросу. Изо всех сил я приложил огонек к лапе спуга. Чудовище взвизгнуло и, отмахнувшись тремя лапами, побежало от меня на пяти остальных.

Между тем на крик мой сбегали со всех сторон. И вскоре трупп осьминога, убитого двумя револьверными выстрелами, был извлечен из воды.

Это был крупный экземпляр осьминога-осьминога так называемого *argulus giganteus* complex.

Так вот кто убил нашего предместкома! Надо ли говорить, что Клецевидов достойно занял место покойного?

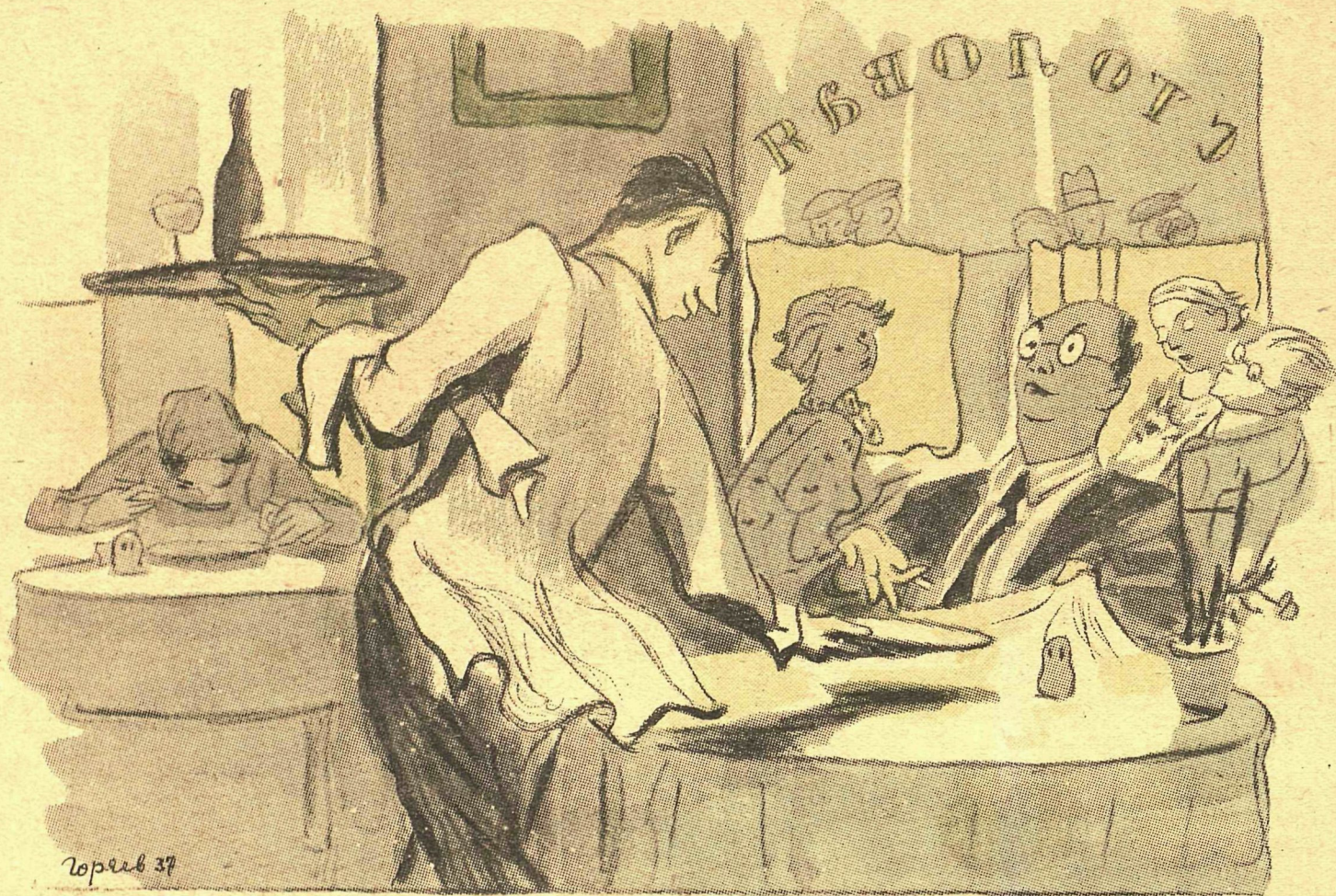

контролер, скрытый водорослями, и, если контролер видит, что покупатель или покупательница взяла что-нибудь с прилавка, он стучит по стеклу аквариума и жестами предлагает положить вещь обратно.

Текст — В. Ардова

Рисунки — Ю. Гаифа

Рис. В. Горяева

— Вы бы, товарищ, почаще меняли скатерти! Они ведь пачкаются!
— У нас такие скатерти, что не пачкаются. Вот эта, например, лежит уже второй месяц, а до сих пор как из прачечной.

ГРАЖДАНЕ, ЗАДАВАЙТЕ ВОПРОСЫ!

КОНСУЛЬТАЦИЯ КРОКОДИЛА

(ОТВЕТЫ ДАЕТ СТАРШИЙ КОНСУЛЬТАНТ К. А. ФРОЛОВ, БРАТ КОМЕНДАНТА КРОКОДИЛА И. А. ФРОЛОВА)

Вопрос. Не можете ли вы объяснить, почему окрашены в яркий цвет лошадиные головы на палочках, которые продаются в игрушечном отделе центрального показательного магазина Мосторга?

(Спрашивает молодая мать.)

Ответ. Дело в том, что синяя лошадь на палочке — вовсе не игрушка. В игрушечном отделе она продается по явному недосмотру дирекции Мосторга. Синяя лошадь — мощное средство педагогического воздействия на детей, отличающихся повышенной моторностью. Стоит только шаловливому и непостушному ребенку вручить такую синюю лошадь, как он мгновенно стихает, становится задумчивым и даже плачет. Долго оставлять в руках ребенка синюю лошадь не рекомендуем, ибо длительный контакт вызывает у детей состояние тяжелой психической угнетенности.

Вопрос. У нас в поселке очень шумно по вечерам. Выйдешь на улицу, ребята песни поют, на гитарах играют. А я человек пожилой, мне хочется посидеть в тишине. Посоветуйте, куда мне податься?

(Спрашивает пожилой читатель Н. К.)

Ответ. Ходите по вечерам в свой заводской клуб. Там как раз очень тихо. Особенно рекомендуем для спокойного отдыха помещене хорového и музыкального кружка.

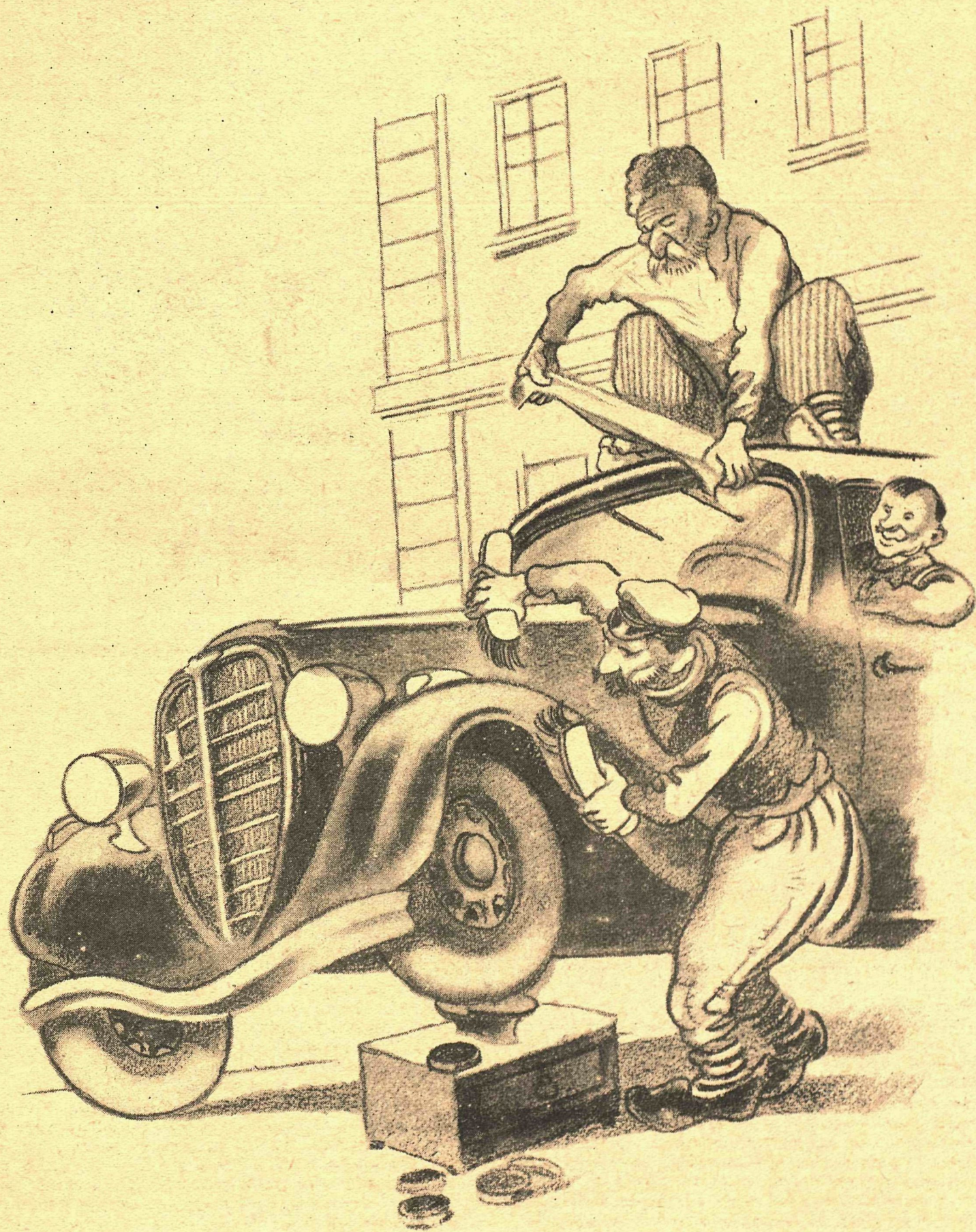
Вопрос. Из газет узнал, что некий сценарист Спешнев написал, а Союздетфильм принял к постановке сценарий фильма «Маленькие мореплаватели». Сюжет фильма основан на том, что кот Гришка, зацепив бантом за кран, пускает воду в ванной, которая заливает всю квартиру. Дети с опасностью для жизни плавают по квартире в корыте, переживая опасные приключения. Не можете ли вы посоветовать Союздетфильму несколько столь же увлекательных сюжетов для детских фильмов?

(Спрашивает читатель Н. И. Солнцев.)

Ответ. С удовольствием выполняем вашу просьбу. Рекомендуем Союздетфильму такой сюжет для увлекательного детского фильма «Маленькие пожарные». Тот же кот Гришка задевает хвостом горящую керосиновую лампу, и в квартире возникает пожар. С опасностью для жизни дети весело тушат его. Им помогает активный кот Гришка. На огонек прибегают другие дети, и все вместе весело танцуют и поют. Не менее увлекателен и такой сюжет для фильма «Маленькие осовашихимовцы». Уже знакомый зрителям кот Гришка открывает лапой газовый краник на кухне. Газ наполняет всю квартиру. Между детьми возникает веселая драка из-за единственного противогаса. Посильное участие в драке принимает и кот Гришка, который и завладевает противогасом. Полузадохнувшихся детей весело спасают соседи.

ПОКА ЛАКОКРАСКА РАСКАЧАЕТСЯ

Рис. К. Ротова

—Надоела эта черная окраска. Пусть наведут желтый глянец!..

Шура зубрил по бумажке и, как глухарь на току, закрыв глаза и сам себя не слыша, то выкрикивал, то шептал себе под нос:

— Тенго... аготн... не пес, о нет! Тонегарспи... гаторен...

— Взбесился,— определила мать.

Отец отмахнулся.

— Оставь. Ему завтра комиссию проходить.

— Сама знаю! — рассердилась мать.— Против гаторена я ничего не скажу. Действительно, слово научное. А пес при чём?

— Совсем народ переменялся,— задумчиво сказал отец.— На призыв, как на праздник идут. В военные школы, в летные — валом велят. А бывало, каким-никаким обманом не брезговали, лишь бы от рекрутчины отбояриться. Пальцы себе рубили, в глаза дрянь сыпали, зренье мутили. Табак жрали для чахотки... Другой на всю жизнь здоровья лишится, а все равно рад: в солдаты не попал.

— А строго было насчет зрения?— озабоченно спросил Шура, оторвавшись от зубрежки.

— Насчет всего строго. Однако находились ловкачи, обманывали.

Шура тоскливо вздохнул:

— Без привычки, пожалуй, не обмануть.

* * *

Прохождение по кабинетам медпункта было триумфальным.

Толстый доктор по внутренним после осмотра с удовольствием похлопал Шуру по коричневой спине с неслинявшим летним загаром:

— Настоящий шоколад «золотой ярлык»!

Старичок ухо—горло—нос выразил свое восхищение по поводу отменных ушей и носоглоток современной молодежи.

Даже скептически настроенный дантист приветливо улыбнулся золотой улыбкой, явно завидуя ослепительным шуриным зубам.

Оставался последний кабинет — окулиста.

Перед закрытой дверью Шура помедлил. В горле пересохло, а колени, непоколебимые колени, только что вызвавшие радостное удивление невропатолога, подкосились и задрожали.

В полумраке кабинета сидел окулист в толстых очках, а на стене висела таблица:

«НЕ
ПЕС
ОНЕТ
ТЕНГО
ОЕГРИС
АГОТН
АРИВРТ
ГАСТЕОН
ГАТОРЕН
ТОНЕГАРСПИ».

— Та самая! — облегченно вздохнул Шура и сел на предложенный стул.

— Читайте! — сказал окулист.

— Не пес, о нет! — бодро начал Шура.

Окулист прервал его:

— По буквам пожалуйста.

По буквам?! У Шуры зазмеилось в глазах, и даже знакомый, крупно напечатанный пес покрылся мутью. Он собрался с духом:

— Мне кажется, доктор... словами понятнее...

Окулист пристально посмотрел на Шуру и неожиданно покладисто согласился:

— Ваяйте!

— Не пес, о нет! — с дрожью в голосе снова начал Шура.

Дальше пошло без запинки.

— А теперь ступайте к той стене,— сказал окулист и, подождя, пока Шура отойдет в дальний угол, ткнул палочкой в таблицу: — Прощу!

Судя по направлению, палочка ткнулась в верхнюю строчку.

— Пес,— тихо и неуверенно сказал Шура.

— Так-ак,— сочно поддакнул окулист.— А не скажете, дорогой товарищ, какой именно породы пес: дворняжка или бульдог?

Шура молча опустил голову.

— Не ожидал! — развел руками окулист.

— Доктор! — у Шуры от волнения оборвался голос.— Вот, честное слово, я хоть и близорукий, а врага разгляжу где хотите! Доктор! Да вот, недалеко ходить: Кутузов же и вовсе был одноглазый.

— Это его частное дело. За Кутузова я не отвечаю.

Когда Шура, низко опустив голову, вышел за дверь, доктор прошелся по кабинету, остановился перед таблицей и раздумчиво покачал головой:

— Такого чудесного парня и пришлось подвести! — и тут же добавил с удивлением: — Обманщик нынче, и тот какой-то особенный пошел!

В. КАРБОВСКАЯ

ЭЛЕГИЯ

Я с балалайкою — не с лирой —
К тебе пришел, встревожив тишь,
И, морщась, ты «Не детонируй!»
В досаде часто мне твердишь...
Я с тона сбился, но по чести
Не я — инструмент виноват:
Нам, несравненная, в Музтресте
Всучить фальшивку норовят.
Сказать я должен без утайки,
Хоть балалайкою я горд:
Неважны наши балалайки.
Да, балалайки — третий сорт!
Я рвусь к тебе, но рвутся струны!
Как много бед в моей судьбе:
Не в силах твой поклонник юный
Акомпанировать себе!
«...Ах, я люблю тебя без краю!..»
Пусть рвутся струны! Ничего!
Я эту песню доиграю
На струнах сердца моего!..

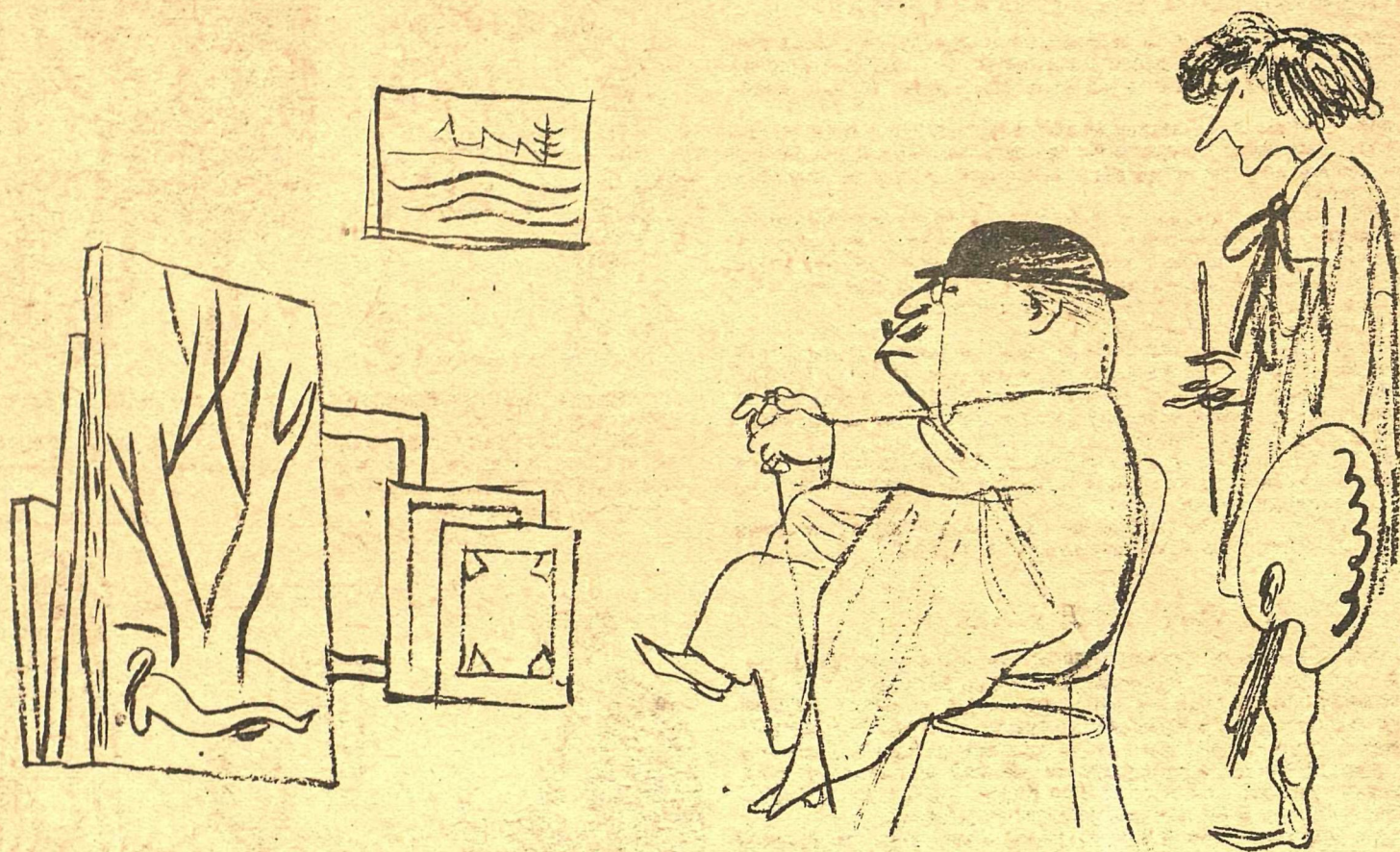
СТАРИННЫЙ ПОЭТ

— Что у тебя за привычка, Николай, бросать на облака всякую дрянь!

— Вчерашний день народ у нас собрался безбожного агитатора слушать. А он и не явился... Спасибо батюшка не дал поскучать: беседу завел про божественное...

Рис. Л. Бродаты

— Сколько вы хотите за это полотно?
 — Тысячу франков
 — Я вам даю не больше ста.
 — Сто!.. Я предпочту сначала умереть с голоду...
 — Отлично. Я подожду.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Новый, невиданный доселе показатель социалистического соревнования изобрел главный бухгалтер треста Ярославлес Зайцев.

В своем директивном письме от 17 августа, адресованном бухгалтерам леспромхозов, он торжественно возвещает:

«Призываю Вас включиться в соцсоревнование с отдельными леспромхозами на полную ликвидацию ненормальной задолженности по зарплате».

Как видно, есть в Ярославлесе еще другая задолженность по заработной плате, «нормальная». Кстати, дорогой Крокодил, ты можешь порадовать Зайцева: и за нормальную и за ненормальную задолженность по зарплате полагается нормальная ответственность в уголовном порядке.

Врид. директора Любимского леспромхоза

ГОРЯЧЕНКОВ

Дорогой Крокодил!

Издавна в печати сообщают о том, что появилось в продаже. А мне пришлось в голову через твое посредство объявить гражданам-радиолюбителям, чего в продаже нет. Это тоже очень важно. Вот я, например, два выходных дня ходил по радиомагазинам и не мог найти ничего из нижеследующих товаров:

1. Канатик антенный
2. Проводник изолированный
3. Выпрям. лампа «ВО-116»
4. Купроксный выпрямитель
5. Электролампочки для карманного фонаря
6. Репродуктор высокоомный
7. Катушки высокоомные.

Пламенный привет руководителям радиопромышленности!

Радиолюбитель

М. ДЕМБИЦКИЙ

Москва

Дорогой Крокодил!

Не знаешь ли ты, где достать справочник, в котором были бы ставки амортизации за премии?

То есть, если человек премирован какими-нибудь вещами, то сколько он должен платить за амортизацию этих вещей? Может быть, этот вопрос покажется тебе диким, но лично мне управление шахты «Комсомолец» (Артемуголь, Горловка) прислало счет на амортизацию обстановки для квартиры, которую меня премировали. Обстановку мне привезли в 1936 году, когда шахтой заведывал Колоб. Сейчас заведующий сменился, и по прошествии года мне прислали счет на амортизацию моей премии плюс стоимость премии на сумму 1600 рублей.

В. МЕЛЬНИКОВ

Москва, Промакадемия

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

РАЗНОСТОРОННИЙ МАТЕРИАЛ

Нам сообщают об Одесском мукомольном институте технологии муки и зерна столько интересных сведений, что мы решительно не знаем, как построить заметку об этом Институте. Можно написать так:

«Институт напечатал на шапирографе научный труд профессора Владимиров. Напечатал со многими опечатками. Тогда профессор в учебное время посадил студентов приводить книгу в порядок. Разве это учеба?»

ПРИМЕЧАНИЕ. Там же, в Одесском институте технологии муки и зерна, от общежития к учебному корпусу нет дороги. Непролазная грязь. Кроме того весь Институт обслуживает один буфет с одной буфетчицей. Давка, очереди. На весь Институт одна уборная, что тоже явно недостаточно».

А можно заметку написать и так:

«В Одесском институте технологии муки и зерна невысказанные бытовые условия. От общежития к корпусу нет дороги. Непролазная грязь. Кроме того весь Институт обслуживает один буфет с одной буфетчицей. Давка, очереди. На весь Институт одна уборная, что тоже явно недостаточно».

ПРИМЕЧАНИЕ. Там же профессор Владимиров заставил студентов в учебное время править опечатки в его труде, изданном на шапирографе».

Прямо теряемся: как же писать об этом Институте технологии муки и зерна? Очень уж разносторонний материал!

— Вы нанесли своей жертве 37 ножевых ран!
— Но, господин судья, дело в том, что я никогда не мог скопить достаточно денег на покупку револьвера.

„Punch“, Лондон

— Ты этого зверя рисовал с натуры?
— Нет, господин учитель, исключительно по памяти.

„Humorist“, Лондон

ДЕДЫ И ДЯДИ

Весело резвились дети сталинградских железнодорожников, бегая вокруг наряженной елки 1 января 1937 года. Но самое большое веселье началось, когда ребятам стали раздавать елочные подарки.

Каждый унес домой интересную игрушку. А двух дедов-морозов утащили в пухлых ручонках Коля Соколов и Витя Сальников. И теперь, как ни бьется стенная газета «В бой за культуру», никак не может вырвать дорогих дедов (один дед стоит 400 рублей, другой — 160) из этих пухлых волосатых ручонков.

Попробуй, вырви, когда Коля Соколов — это зам. начальника административного отдела управления дороги, а Витя Сальников — бывший секретарь парткома того же управления.

Нехорошо брать чужие игрушки, Коля и Витя. Поиграли с дедом, пора и честь знать! Ведь скоро будет новая елка и деды опять понадобятся.

Дяди, отдайте детям дедов!

РОКОВАЯ ПЕЧАТЬ

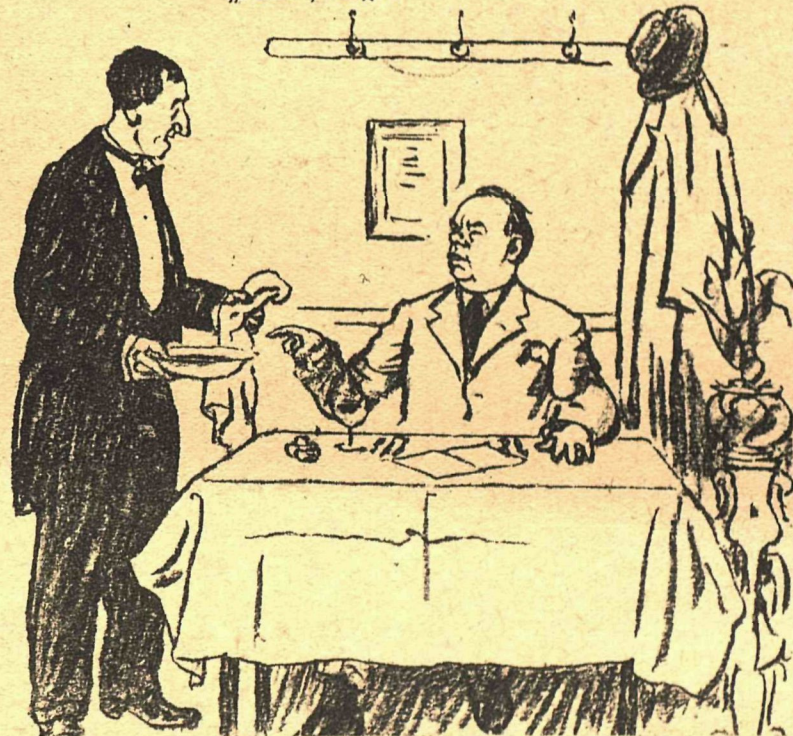
Можно смело сказать, что до сих пор у нас никто, кроме почты, в Костюковичах (БССР) не подумал о наведении порядка в хозяйстве классиков русской живописи.

В адрес библиотеки местной средней школы почта получила № 4 журнала «Творчество». И получив, заверила приложением печати репродукцию с картины художника Сурикова (см. рисунок).

У В. И. Сурикова это была «Голова смеющейся девушки». Работники связи удачно поставленной печатью усилили эффект: теперь девушка гомерически хохочет.

Хохочет, конечно, над почтой. И права.

— Официант, обратите внимание: ваш большой палец залез в тарелку с супом.
— Не беспокойтесь, гражданин, благодарю за внимание, но суп уже холодный, так что не беда.

„Humorist“, Лондон

В ПОТЕЛИЦА

В комнате рядышком стоят два стола. За столами сидят два хорошо знакомых между собой человека: товарищ Лемешко и товарищ Семенкин. Не вставая, товарищ Семенкин дает прикурить товарищу Лемешко. Покурив, товарищи ведут неторопливый разговор о том, что погоды нынче стоят хорошие и что неплохо бы было двинуть в выходной на шуку.

Потом они начинают трудиться. Товарищ Семенкин что-то пишет. И товарищ Лемешко что-то пишет. Интересно, что они строчат.

Извольте: Лемешко, судебный исполнитель Мартыновского района, Ростовской на Дону области, пишет строго официальное письмо на соседний стол Семенкину, секретарю нарсуда того же, Мартыновского района, насчет взыскания в пользу колхоза «Вперед к коммунизму» присужденных последнему денег.

В свою очередь Семенкин сочиняет строго официальный ответ на предыдущее письмо Лемешко, ибо переписка между столами, стоящими рядом в одной комнате, длится уже не первый месяц. Как говорится, бог в помощь. Пишите, голубчики.

Редколлегия: М. И. КОЛЬЦОВ, Л. А. ЛАГИН, А. А. НАЗАРОВ, Л. А. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 49, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 966

Сдача текста и рисунков 25/IX—37 г.

Подл. к печати 2/X—37 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б-25280. Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1987. Тираж 275 000 экз.

Рис. Ю. Ганфа

БЕЛОГВАРДЕЦ: — Верьте моему опыту, снимайте сапоги при отступлении!
Мы так весь Крым отмахали!